

овладеть французским. Однако фраза «Тем и кончилось моё воспитание» (курсив наш. — С.С.) свидетельствует прежде всего о том, что кончилось *воспитание*, и вовсе не исключает возможности получения *образования* самостоятельно.

Дать достойную оценку Гринёву как герою своего времени, с честью вышедшему из суровых испытаний, выпавших на его долю, невозможно без понимания иронического подтекста, который в той или иной степени пронизывает всё повествование. Подтекст «Капитанской дочки» — явление сложное, до конца не разгаданное, а потому дающее возможность как современным исследователям, так и литературоведам последующих эпох постигать тайны творческой лаборатории Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. КОРОВИН В.И. Лелеющая душу гуманность: Очерки творчества Пушкина. — М.: Дет. лит., 1982. — С. 159.
2. ПУШКИН А.С. Капитанская дочка. — М.: Наука, 1984. — С. 319.
3. БЕЛИНСКИЙ В.Г. Полн. собр. соч. — М., 1955 — Т. 7. — С. 734.
4. МАКОГОНЕНКО Г.П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А.С. Капитанская дочка. — М.: Наука, 1984. — С. 200—233.
5. ДОЛИНИН А. Ещё раз о хронологии «Капитанской дочки» // Пушкин и другие: Сб. статей, посвящённый 60-летию со дня рождения С.А.Фомичёва / Науч. ред. и сост. В.А.Кошелев. — Новгород, 1997. — С. 57.

6. ДЕРЖАВИН Г.Р. Сочинения. — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. — С. 224.
7. ГРОТ Я.К. Жизнь Державина. — М.: Алгоритм, 1997. — С. 685.
8. ЛОТМАН Ю.М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Пушкинский сборник. — Псков, 1962. — С. 5.
9. Санкт-Петербургские ведомости, 1760. — № 68, 69.
10. КАРПОВ А.А. Об источнике стихотворения Гринёва // Временник Пушкинской комиссии. — Л., 1979, — С. 140—142.
11. ТУРГЕНЕВ И.С. Собр. соч.: В 12 т. / И.С.Тургенев. — М.: Гослитиздат, 1958. — Т. 12 — С. 525.
12. ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч. / А.С.Пушкин. — М. — Л.: Изд. АН СССР, 1937—1949. — Т. 13. — С. 651.

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор Костромского педагогического университета
y.l.lebedev@yandex.ru

КРИВЫЕ ДОРОГИ РОССИИ В ПОЭМЕ Н.В.ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ»

Аннотация. В статье раскрывается символический подтекст поэмы Гоголя.

Ключевые слова: символика дороги, русский переулочек, закономерность случайностей, широта русской природы.

Abstract. The article reveals Gogol's symbolic subtext.

Keywords: road as a symbol, Russian overreach, consistent pattern of accidents, Russian nature.

1

Поэма Н.В.Гоголя «Мёртвые души» открывается въездом в губернский город NN рессорной брички. Знакомство с главным героем предваряется разговором «двух русских мужиков» о возможностях этой брички: ««Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — отвечал другой. — «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой. Этим разговор и кончился»¹.

Знаюки поэмы Гоголя долго ломали голову, почему писатель сделал «странное» уточнение — «русские» мужики. В самом деле, какие же иные, кроме русских, могли оказаться в губернском городе? Наконец, Ю.В.Манн справедливо заметил, что это уточнение значимо: Гоголь подчёркивает общенациональный масштаб всего, что происходит в поэме². Но это значит, что и бричка Чичикова, при всей её конкретности и единичности, суть нечто большее, чем экипаж частного лица. Она символизирует в конечном счёте тот путь, ту дорогу, по которой устремилась вся Русь.

До Казани бричка не доедет. Почему? Знающие толк в русской езде мужики обращают внимание на колесо. Они знают, что кривое колесо «колесит», то есть едет не прямо, а по кругу, и что на таком колесе быстро «отколесишь», то есть далеко не уедешь: до Москвы доберёшься, а до Казани нет. Уже

в начале поэмы даётся намёк, что «колесо» брички, на которую уселся самодовольный Чичиков, «кривовато», что русским пространством ему не овладеть.

В «Мёртвых душах» нет ничего случайного, каждая мелочь в них «сигнал», «символ», дорога к общему, национальному. Чичиков, сидящий в бричке, до последней главы первой части поэмы не раскроется перед нами в своей предыстории. Мы узнаём только, что этот человек «ни толст, ни тонок», что он умеет «искусно польстить» каждому, что о себе он говорит «какими-то общими местами», афишируя свою скромность такими характеристиками: «незначущий червь мира сего», «испытавший много на веку своём» и даже будто бы «претерпевший на службе за правду» [13]. Бросается в глаза его пронизательность и льстивая, искусная театральность, проявляющаяся в спорах так, что он «приятно спорил», то есть «играл в поддавки».

Мы видим, что искусный льстец покоряет всё губернское общество: губернатор называет его благонамеренным, прокурор — дельным, жандармский полковник — учёным, председатель палаты — знающим и почтенным, полицмейстер — любезным, а его жена — любезнейшим и обходительнейшим. «Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, сказал жене: «Я, душенька, был у губернатора на вечеру, и у полицмейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» — и толк-

нула его ногою» [19]. Это «гм!» тонкой супруги толстого Собакевича, конечно, настораживает. И Гоголь не держит тайну долго. Талант Чичикова не бескорыстен: уже при посещении Манилова открыто провозглашается его мошенническая цель — скупка мёртвых душ.

Дело начинается успешно. Но с третьей главы для брички Чичикова возникают непредвиденные испытания. Как расчётливый делец, Павел Иванович ещё на губернской вечеринке наметил для себя строгий план визитов к людям, с которыми завёл предварительные знакомства: от Манилова — к Собакевичу. Прощаясь с Маниловым, он попросил описать своему кучеру Селифану предстоящий дорожный маршрут. Селифан, как водится, был под изрядным хмельком, за дорогой не следил, но зато от души возмущался правым пристяжным конём Чубарым, благодаря ленивости которого бричка Чичикова постоянно косит и забирает влево, уклоняясь с прямого пути. ««Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю! — говорил Селифан, приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца. — Ты знай своё дело, панталонник ты немецкий! <...> Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят! я тебя, невежа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползёт! — Здесь он опять хлыснул его кнутом, примолвив: — У, варвар! Бонапарт ты проклятый! <...> Ты думаешь, что скроешь своё поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение» [41—42].

Только ли к Чубарому относится эта речь? «Если бы Чичиков прислушался, — пишет Го-

голь, — то узнал бы много подробностей, отнесенных лично к нему...» [42]. И в этот именно момент взбунтовалась русская природа: «сильный удар грома заставил Чичикова очнуться», «громовой удар раздался в другой раз громче и ближе». А Селифан, как русский человек, «не вдаваясь в дальние рассуждения», поворотил *направо*, на первую перекрёстную дорогу, «и пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведёт взятая дорога» [42—43].

За «глупостью» Селифана, как в русской народной сказке, скрывается мудрый смысл. Избранная Чичиковым дорога не отвечает сути русской природы с её особым, связанным с «жизнью по правде» предназначением, с её недоверием к прямым путям. «Что, мошенник, по какой дороге ты едешь?» — сказал Чичиков. — «Да что ж, барин, делать время-то такое; кнута не видишь, такая пойма!» [43].

Ясно, что дорога, избранная Чичиковым, ведёт героя к обрыву. «Держи, держи, опрокинешь!» — кричал он ему. — «Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул, — говорил Селифан. — Это нехорошо опрокинуть, я уж

сам знаю; уж я никак не опрокину.» — Затем начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал-поворачивал и наконец выворотил её совершенно набок. Чичиков и руками и ногами шлёпнулся в грязь». А Селифан «стал перед бричкой, подпёрся в бока обеими руками, в то время как барин барахтался в грязи, сиюсья оттуда вылезть, и сказал после некоторого размышления: «Вишь ты, и перекинулась!»» [44].

Примечательно то, что Селифан на Чичикова не обращает внимания, но «поведение» брички его озадачивает. Вот где гоголевский реализм вырастает до символа! «Бричка» — Россия, Селифан — вожатый, а Чичиков? А Чичиков уж не Чубарый ли? Когда в имени Коробочки он раздевается, то отдаёт Фетинье «*всю снятую с себя сбрую*, как верхнюю, так и нижнюю» [48. — Курсив мой. — Ю.Л.]. А в конце первого тома, рассуждая, почему добродетельный человек не взят в герои поэмы, Гоголь прямо указывает на закономерность такой ассоциации: «Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку... потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который

бы не ездил на нём, понукая и кнутом и всем чем ни попало. <...> Нет, *пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжём подлеца!*» [234. — Курсив мой. — Ю.Л.]

Путешествием Чичикова «правит» не только он сам и не только его Селифан, но ещё и случай, названный Пушкиным «мощным и внезапным орудием Провидения»: «...как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. Издали послышался собачий лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. *Русский возница имеет доброе чутьё* вместо глаз, от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает» [44—45. — Курсив мой. — Ю.Л.].

Так русская дорога сбивает Чичикова с намеченного им «неправого» пути. Ведь встреча с Коробочкой окажется для него роковой, приведёт к разоблачению. К этому же подтолкнёт его и «случайная» встреча с Ноздрёвым. По пути от Коробочки к Собакевичу русская природа вновь путает планы Чичикова: «земля до такой степени загрязнилась, что колёса брички, захватывая её, сделались скоро покрытыми ею, как войлоком» [62]. Это замедляет движение брички. Русская природа делает всё для того, чтобы «случайно» свести героя с Ноздрёвым и тем самым нанести второй после Коробочки удар по его хитроумному предприятию.

Третий и столь же «случайный» казус совершается в пятой главе, перед встречей Чичикова с Собакевичем, когда бричка его, мчащаяся во всю прыть от авантюриста Ноздрёва, сталкивается с коляской, везущей домой юную институтку — дочь губернатора. Тут опять приходят на помощь «глупые» мужики из соседней деревни. Они долго и бестолково суетятся, чтобы расцепить и развести спутавшиеся друг с другом экипажи. Плут Чубарый находит «новое знакомство» и «никак не хочет выходить из колеи, в которую попал», положив «свою морду на шею нового приятеля». Чичиков сидит как околдованный, глаз не может отвести от губернаторской дочки. Между тем дядя Митяй и дядя Митяй канителются, скрывая за случайными и нелогичными действиями мудрость русской жизни. Их затянувшаяся возня даёт время всплунуть в душе Чичикова ни в какие планы не входящему чувству очарованности «прекрасной незнакомкой» [см.: 93—95]. Это чувство сыграет потом роковую роль на балу у губернатора. Это чувство расшевелит в окаменевшей душе подлеца Чичикова горькие сожаления: «О моя юность! о моя свежесть!» [115]. Таким образом, «глупая» русская жизнь буквально с первых шагов начинает спутывать «умные» планы и «верные» расчёты Чичикова. Она сбивает его с намеченного пути, вываливает в грязь, провоцирует на неожиданные и опрометчивые поступки.

Во всём, с чем сталкивается Чичиков на пути «предпринимательской» карьеры, чувствуется вопиющий недостаток «здорового смысла», мещанской умеренности и акку-

А.Агин, Е.Бернардский. Въезд Чичикова в губернский город. 1846

ратности, на которых ведь только и держится успех добропорядочного буржуа. Русская жизнь «вредит» ему своими «перехлёстами» и «пересолами», целым потоком непредвиденных «мелочей», сующих палки в колёса его брички.

В «глупой» неупорядоченности русской жизни зоркое око Гоголя подмечает какой-то свой, скрывающийся от самодовольного человеческого ума смысл. В гостинице, в общей зале, куда явился Чичиков, были развешаны во всю стену картины, писанные масляными красками, — картины, как и везде, но на одной из них изображена была «нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал» [9].

Этот русский «пересол» берёт в плен и самого Чичикова. Вспомним его шкатулку. В отличие от беспорядочной «кучи», которую наш герой встретит в имении Плюшкина, в шкатулке Чичикова царит, казалось бы, идеальный порядок. Как пишет чуткий исследователь Гоголя И.Золотусский, шкатулка Чичикова — «тайник его души» и целая поэма одновременно: «Это поэма о приобретательстве, накопительстве, выжимании пота во имя полумиллиона. Там всё в порядке, всё разложено по полочкам — и чего там только нет! <...> Каждый предмет — к делу, всё спланировано, лишнее отмечено, нужное не позабыто. Куча Плюшкина — это бессмысленное накопительство и уничтожение накопленного, шкатулка Чичикова — уже предвестие деловитости Штольца, да и сам Чичиков говорит, как бы обещая гончаровского героя: «Нужно дело делать»»³.

Замечательно! Но всё ли в этой шкатулке приведено в симметрию, всё ли в ней спланировано, всё ли лишнее отмечено? С какой стати, например, в ней оказалась сорванная с тумбы театральная афишка? Для чего она нужна деловому герою? Что за странные манипуляции он с ней проделывает? Вынул из кармана, стал читать, дочитал до конца, «потом перевернул на другую сторону: узнать, нет ли и там чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протёр глаза, свернул опрятно и положил в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать всё, что ни попадалось» [12. — Курсив мой. — Ю.Л.].

Разве эта деталь, эта «мелочь» не разрушает гармонию и стройность только что «пропетой» поэмы о русском приобретателе, разве она не обнаруживает в нём ростки плюшкинской неразборчивости и самоуничтожения? Чичиков у Гоголя русский человек, а потому в его действиях и поступках сохраняется тот же самый «перехлест», в который никак не укладывается буржуазная, предпринимательская душа. То тут, то там проскальзывает игра «случайностей», обнаруживается «прореха» в самом неподходящем месте, и всё задуманное Чичиковым рушится. За видимым пёстрым миром людей и вещей, за характерами героев, главных и второстепенных, за живыми помещиками и подвластными им мёртвыми и живыми крестьянскими душами встаёт со страниц

поэмы Гоголя целостный образ помрачённой, заблудившейся на неверных путях-дорогах России.

2

Обратим внимание, что в «мёртвые души» помещиков Чичиков всматривается, как в кривое зеркало. Эти люди представляют доведённые до крайности свойства его собственной души. «Пересахаренная» идиллия семейной жизни Манилова отражает идеалы самого Чичикова. Мы узнаём потом, что не привязанность к деньгам владела им, не скряжничество и не скупость. Ему мерещилась впереди жизнь, исполненная довольства, — собственное имение, дом, жена и дети.

И вот свою мечту он видит «воплощённой». «А знаете, Павел Иванович, — сказал

Манилов, которому очень понравилась такая мысль, — как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чём-нибудь, углубиться!..» — «О! это была бы райская жизнь!» — сказал Чичиков, вздохнувши» [39].

Великолепный актёр, Чичиков, конечно, подстраивается к той атмосфере, которая царит в доме Манилова. Но нельзя не заметить, что его игра похожа на правду: «маниловский уклон» не чужд его душе. Только «маниловское» размягчение враждебно пока избранной им дороге, где нельзя «рассыропиться», где требуется постоянная «узда», упорная концентрация энергии и воли в одном направлении. «Кровь Чичикова, напротив, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобы набросить узду на всё то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на свободе» [250].

А.Лаптев. Чичиков у Собакевича. 1951

Коробочка, к которой занёс Чичикова случай, — полная противоположность маниловскому парению в голубой пустоте. Это одна из тех «небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещённые по ящикам комодов. В один мешочек отбирают всё целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комоды ничего нет, кроме белья...» [46—47].

Казалось бы, Коробочка с куриной ограниченностью кругозора является полным антиподом Чичикова с его авантюризмом и размахистостью. Но сходство с нею у Чичикова есть, да и немалое. Не случайно здесь Гоголь обращается к описанию шкапулки Чичикова. Кажется, что в ней, как и в комоды Коробочки, ничего нет, кроме дорожных вещей. Под верхним ящиком находится нижний, основное пространство которого занято «кипами бумаг». Но тут-то и притаился ещё один, «маленький потаённый ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкапулки. Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько там было денег» [58]. Гений скопидомства, Коробочка тут же высоко оценивает чичиковскую вариацию её «комода»: «Хорош у тебя ящик, отец мой... чай, в Москве купил его?» [58].

Ноздрёв, с которым Чичикова сводит очередная «случайность», — образец безобразно широкой натуры. О таких людях Достоевский скажет позднее: «Если Бога нет, то всё позволено». У Ноздрёва Бог — он сам, его ничем не ограниченные капризы и желания. Он пленник распущенных страстей. Неуёмная энергия, вечное движение и бесполое существование — результат отсутствия в нём скрепляющего личностный нравственный центра. «В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять всё, что ни есть, на всё, что хотите» [74—75].

Для желаний Ноздрёва не существует никаких границ: «Теперь я поведу тебя посмотреть, — продолжал он, обращаясь к Чичикову, — границу, где оканчивается моя земля. <...> Вот граница! — сказал Ноздрёв. — Всё, что ни видишь по эту сторону, всё это моё, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синееет, и всё, что за лесом, всё моё» [77].

Вся жизнь Ноздрёва — бесконечное и не знающее границ насыщение самых низких инстинктов человеческой природы. В окружении своих собак Ноздрёв «как отец среди семейства». Кутежи и попойки, карты и шулерство в картёжной игре — вот стихия Ноздрёва. Упоение ложью сближает его с Хлестаковым. Однако ноздрёвская ложь не безобидна: в ней всегда присутствует подлое желание «нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины» [74].

Ноздрёв мгновенно сочиняет одну ложь за другой, да так ловко, что будто бы и сам верит в сочинённое. Подтверждая сплетню, что Чичиков собирался увезти губернаторскую дочку, Ноздрёв сочиняет такие подробности, от которых никак нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, где находилась та приходская церковь, в которой положено было венчаться, именно деревня Труханчёрвка, поп отец Сидор, взявший за венчание 75 рублей, «и то не согласился бы, если бы Ноздрёв не припугнул его» [218].

Убегая от Ноздрёва, Чичиков и в ум взять не может, зачем он поехал в его усадьбу, почему «как ребёнок, как дурак» доверился ему. Но прельстился он Ноздрёвым не случайно: по природе своей Чичиков такой же авантюрист, и для достижения своих корыстных целей он легко переступает через нравственные законы. Обмануть, приврать да ещё и слезу пустить Чичиков горазд не хуже всякого Ноздрёва. «Ноздрёв ещё долго не выведется из мира, — говорит Гоголь. — Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком» [75].

Верный своему приёму овеществления человека, Гоголь сравнивает расстроенную и развращённую душу Ноздрёва, а вслед за ним и современного человека вообще с испорченной шарманкой: «Шарманка играла не без приятности, но в середине её, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась песнею: "Мальбруг в поход поехал", а "Мальбруг в поход поехал" неожиданно завершался каким-то давно знакомым вальсом. Уже Ноздрёв давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка, очень бойкая, никак не хотевшая утомиться, и долго ещё потом свистела она одна» [78]. Замечательны, конечно, в расстроенных «шарманках» покалеченных, сбитых с толку душ гоголевских героев эти «Божьи дудки», которые свистят в них порой сами по себе и часто сбивают с толку так хорошо продуманные, так логично и безукоризненно спланированные аферы.

Присмотримся к Собакевичу. Этот помещик не витает в облаках, он обеими ногами стоит на земле, ко всему относясь с чёрствой и трезвой практичностью. Основательность и крепость отличают всё в имени Собакевича: «Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые брёвна, определённые на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тоже срублены были на диво...» Всё было «упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке» [97].

О характере Собакевича говорит и внутреннее убранство дома. В гостиной висят картины с изображением греческих полководцев; все эти герои были «с такими толстыми ляжками и неслышанными усами, что дрожь проходила по телу». Рядом с полко-

водцами разместились «греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щёголей, которые наполняют нынешние гостиные» [99]. Мебель в комнатах прочна, неуклюжа и сходна с хозяином: пузатое ореховое бюро на пренебрежных ногах — совершенный медведь. «Стол, кресла, стулья — всё было самого тяжёлого и бесполого свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: "И я тоже Собакевич!" или "И я тоже очень похож на Собакевича!"» [100].

Противник «высоких материй», Собакевич обо всём, что не связано с его практическим интересом, судит с топорной прямолинейностью. Просвещение — вредная выдумка. Люди — все воры и разбойники: «Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья» [101].

В своих пределах Собакевич умён. Без труда он угадывает хитрый замысел Чичикова и вступает с ним в торговлю. Тут-то и обнаруживается вдруг странный парадокс, неожиданный штрих в характере Собакевича. На него ведь был уже «тонкий» намёк при описании картин в гостиной: «Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, *тощий, худенький*, с маленькими знамёнами и пушками внизу и в самых узеньких рамках» [99. — Курсив мой. — Ю.Л.]. Вспомним тощенькую супругу у толстого Собакевича!

В узком деле торговли и корыстного интереса прорывается какой-то намёк на его проницательность и даже на поэтический талант. Торгуясь с Чичиковым, он забывает, каким «товаром» владеет, и расписывает достоинства мёртвых, как живых. «Да чего вы скупитесь? — сказал Собакевич. — Право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядрёный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то как бывает московская работа, что на один час, — прочность такая, сам и обобьёт, и лаком покроет! <...> А Пробка Степан... Максим Телятников... А Еремей Скороплёхин!» [106—107]. Описание «товара» у Собакевича — целая поэма о силе, таланте и сметливости русского народа. И неспроста она приводит Чичикова в изумление: в этом медведе, закоренелом мизантропе и чёрством кулаке вдруг откуда ни возьмись обнаруживается и «сила речи», и живость обнаружения, и «дар слова».

Выходит, что Собакевич — «родня» Чичикову не только по скупости и деловой хватке, но и по русскому «пересолу», на пределе которого обнаруживаются в искажённой и померещенной душе возможности её выпрямления и возрождения. Ведь и Чичиков так же

срывается, как Собакевич. Вспомним, например, «странное» распоряжение, которое «зарапортовавшийся» Чичиков отдаёт Селифану, забывая, какой «товар» он приобрёл: «собрать всех вновь переселившихся мужичков, чтобы сделать всем лично поголовную переключку» [158].

Точно так же «зарапортовался» в разговоре с председателем гражданской палаты и Собакевич, подтверждая правоту русской поговорки: «На всякого мудреца довольно простоты». «Да что ж вы не скажете Ивану Григорьевичу, — отозвался Собакевич, — что такое именно вы приобрели; а вы, Иван Григорьевич, что вы не спросите, какое приобретение они сделали? Ведь какой народ! Просто золото. Ведь я им продал и каретника Михеева». — «Нет, будто и Михеева продали? — сказал председатель. — Я знаю каретника Михеева: славный мастер; он мне дрожки переделал. Только позвольте, как же... Ведь вы мне сказывали, что он умер...» — «Кто, Михеев умер? — сказал Собакевич, ничуть не смешавшись. — Это его брат умер, а он преживёхонький и стал здоровее прежнего» [153].

Так неожиданно в Собакевиче проглядывают два бессмертных сочинителя — Хлестаков и Ноздрёв, а заодно с ними — истинный актёр Чичиков. «Да будто один Михеев! — продолжает вступавший в раж Собакевич. — А Пробка Степан, плотник, Милушкин, кирпичник, Телятников Максим, сапожник, — ведь все пошли, всех продал!» А когда председатель спросил, зачем же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастерскими, Собакевич отвечал, махнув рукой: «А! так просто, нашла дурь: дай, говорю, продам, да и продал сдуру!» Засим он повесил голову так, как будто сам раскаивался в этом деле, и прибавил: «Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума» [153].

В представленной Гоголем на всеобщий позор и посмеяние галереи помещиков есть одна примечательная особенность: в смене одного героя другим нарастает ощущение пошлости, в липкую тину которой погружается современный русский человек. Но по мере сгущения пошлости, доходящей даже в фамилии Собакевича до звероподобного состояния, на пределе её русского «безудержа» и «безмерности» в безнадежно, казалось бы, омертвевших душах героев начинает проглядывать «тощий и худенький» Багратион — славный герой Отечественной войны 1812 года. В глубине своего падения русская жизнь обнажает какие-то ещё неведомые и нераскрывшиеся внутренние резервы, которые, может быть, спасут её, дадут ей возможность выйти на прямую дорогу.

Гоголь говорит: «И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребёнок. Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, занос-

сящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире и роскошнее он, озарённый солнцем и освещённый всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведённые нисходящим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели так добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход? где дорога?» [220].

Прямой путь, на который выйдет рано или поздно Русь-тройка, очевиден и ясен для Гоголя. Гоголевская Россия, напустив слепой туман себе в очи, устремилась по ложному пути корысти и торгашества и двинется по нему к самому краю пропасти. Но всем содержанием поэмы Гоголь показывает, что русские люди ещё не ослепли окончательно, что в «расхристанных» душах маниловых, коробочек, ноздрёвых, собакевичей не всё потеряно, что ресурсы для грядущего прозрения и выхода на «прямые пути» в них есть.

На эти ресурсы указывает и последняя встреча Чичикова с Плюшкиным, символизирующим предел, конечную ступень падения на избранном Чичиковым пути. Не случайно встрече с Плюшкиным предшествуют рассуждения автора и стоящего за ним героя о юности с её чистотой и свежестью. Эти рассуждения подытожит автор после общения Чичикова с Плюшкиным так: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизить человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» [133]

Пытаясь показать страшное уклонение русской жизни с праведных и прямых на лукавые пути, Гоголь начинает рассказ о Плюшкине с предыстории героя. Если ранее перед читателями представляли сложившимися характерами «готовые» Манилов, Коробочка, Ноздрёв, Собакевич, то характер Плюшкина Гоголь даёт в развитии. «А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! Был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости» [122]. «Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее. <...> Во владельце стала заметнее обнаруживаться скупость...» [123].

И вот с каждым годом «притворялись окна» в его доме, «уходили из вида более и более главные части хозяйства». «Это бес, а не человек», — говорили покидавшие его имение покупщики. «Сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз», а Плюшкин год от году всё более и более попадал в рабство к бесполезным и уже никому не нужным «хозяйственным мелочам»: «...он ходил ещё каждый день по улицам своей деревни, заглядывая под мостики, под переклады и всё, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — всё тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. «Вон уже рыболов пошёл на охоту!» — говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу» [122].

В характере Плюшкина Гоголь видит изнанку другого порока, гораздо чаще встречающегося на Руси, «где всё любит скорее развернуться, нежели съёжиться, и тем поразительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернётся помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь» [125]. Беспределу ноздрёвского прожигания жизни на одном полюсе соответствует беспредел плюшкинской скупости на другом.

Тем трагичнее проступает в тёмной глубине его души живой и трепетный огонёк — надежда на спасение. Когда Чичиков обращает внимание Плюшкина на былых его знакомых, вдруг вспыхивает в его душе память об утраченной юности и молодости: ««Ах, батюшка! Как не иметь, имею! — вскричал он. — Ведь знаком сам председатель, ездил даже в старые годы ко мне, как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили! как не знакомый? уж такой знакомый!» <...> И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то тёплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег» [131 — Курсив мой. — Ю.Л.]

Общение с Плюшкиным, несмотря на невиданный успех по закупке «мёртвых душ», вызывает у Чичикова чувство ужаса и глубокого внутреннего содрогания. В лице Плюшкина открывается логический конец того пути, на который направлена вся энергия «предпринимателя и хозяина». И в этом смысле Плюшкин в поэме тоже русский человек. В.В.Кожин замечает: «Ведь перед нами, по сути дела, поистине безудержный разгул скупости — разгул, который не знал пределов и в конце концов «прожёт насквозь» жизнь этого скупца, превратив его в почти нищего. Плюшкин несколько не похож на непрерывно богатеющих скупцов, изображённых в литературе Запада и Востока, — хотя бы на созданный почти в одно время с гоголевскими героями образ балзаковского Гранде, оставившего своей наследнице, дочери Евгении, миллионы. У Плюшкина же «сено и хлеб гнили, клади и стоги обраца-

лись в чистый навоз... мука в подвалах превратилась в камень... к сукнам, к холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль"...⁴. Плюшкин в этом своём разгуле скупости промотал даже свою помещичью власть и волю: когда он, по обыкновению, крал что-либо у собственных крепостных, а "приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь"...⁴.

По замыслу Гоголя, галерея помещиков освещает с разных сторон те «уклоны» и «крайности», которые свойственны характеру Чичикова, которые готовят читателя к наиболее точному и всестороннему пониманию нового явления в русской жизни того времени — нарождающегося буржуа. Всё в поэме направлено на развёрнутое изображение Чичикова и «чичиковщины» как конечного предела, к которому устремилась русская жизнь по «кривому» пути.

3

Чичиков — живое воплощение движения русской жизни XIX столетия — даётся в поэме с широко развёрнутой биографией. По сравнению с определенными и относительно застывшими характерами русских помещиков он являет собой неумную энергию и деятельность. Но в порыве своём он почти не движется вперёд, а всё время «кружит» и «колесит», всякий раз возвращаясь в исходное положение. Чичиковский «винт» постоянно срывается с «резьбы» в русской жизни, отторгающей его. Так что судьба героя являет перед читателем цепь, состоящую из стремительных восхождений и столь же стремительных в своей неожиданности катастроф, оставляющих героя у разбитого корыта. Спицы периодически сыплются из кривого колеса чичиковской брички.

Чтобы понять, почему это происходит, проследим вместе с автором предысторию жизни главного героя «Мёртвых душ». Чичиков принадлежит к служилому дворянству. Отец его не оставил наследственных имений. «В наследстве оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старых сертука, подбитых мерлушками, и незначительная сумма денег» [238].

В отличие от сынков богатых дворян, Чичикову пришлось пробивать себе дорогу в жизни собственными усилиями, опиравшись на нехитрый «молчалинский» совет, которым сопровождал Павлушу бедный родитель в плавание по морю житейскому: «Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, всё пойдёшь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными... а больше всего береги и копи копейку; эта вещь надёжнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не вы-

даст, в какой бы беде ты ни был. *Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой*» [236. — Курсив мой. — Ю.Л.].

На первых порах отцовское наставление срабатывает безупречно. В школе Чичиков проявляет искусную оборотливость по копеечной части. Его фантазия бойко работает над изобретением всевозможных коммерческих операций. Успешно складываются отношения со школьным начальством. Лестью он добивается доверия своих наставников.

Отношения с людьми Чичиков завязывает избирательно, предпочитая лишь те, которые приносят ему какую-либо личную пользу. Когда эта польза пропадает, Чичиков бросает человека, как ненужную вещь или тряпку. Обладая актёрскими способностями, Чичиков ловко входит в доверие к нужным ему лицам и делает значительные успехи на поприще службы. «Всё оказалось в нём, что нужно для этого мира: и приятность в оборотах и поступках, и бойкость в деловых делах. С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что называют хлебное местечко...» [242].

«Тут только долговременный пост наконец был смягчён, и оказалось, что он всегда не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться в лета пылкой молодости, когда ни один человек совершенно не властен над собою. <...> Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою; уже приобрёл он отличную пару и сам держал одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцом; уже завёл он обычай вытираться губкой, намоченной в воде, смешанной с одеколоном; уже покупал он весьма недёшево какое-то мыло для сообщения гладкости коже; уже...» [243—244].

Но тут грянула катастрофа и разнесла в прах плоды его трудов. Почти всё, чего он добивался с таким терпением и старанием, с такой почти нечеловеческой изворотливостью и аскезой, в одночасье оказалось безвозвратно утраченным. Чичиков столкнулся со странной особенностью русской жизни, мстящей всякому, кто чрезмерно увлечётся накоплением, забыв христианский долг «служить Богу, а не маммоне». На место прежнего «тюфяка»-начальника был прислан новый — русская «коробочка»: «генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была всё равно что железный гвоздь: ничем нельзя было её оттуда вытеревить» [244—245]. На этот «гвоздь» и наткнулся Чичиков.

Но ведь, кроме внешних «гвоздей» и ухабов, разбивающих на каждом шагу колесо его «брички», точно такой же «гвоздь» сидит и в душе самого Чичикова. «Да, Чичиков реалист, да, он не Хлестаков, не Поприщин, не Собачкин, не Ковалёв, — проникновенно замечает И.Золотусский. — Да, его надуть трудно. Сам он надуть мастак. <...> Почему

же то и дело сгорает и прогорает гоголевский герой, почему его аферы, сначала так возносящие его вверх, всякий раз лопаются, не удаются? <...>

Смог ли бы отъявленный и прожжённый плут так *довериться* Ноздрёву, так ему сразу и ляпнуть насчет «мёртвых»? Разве не понял бы он, что Ноздрёв всё разболтает?»⁵.

Или из-за чего прахом полетело ловко задуманное предприятие Чичикова на таможне и исчез, как облако, уже схваченный им миллион? — «Из-за пустяка, из-за бабы. <...> Ну скажите, какой же тонкий плут себе такое позволит, какой «хозяин» так неосторожно осечётся? Да он обласкает этого дурака статского советника, скажет ему: «Конечно, не ты, а я — попovich, и возьми себе на здоровье эту бабёнку, только мои полмиллиона при мне оставь»...»⁶.

«А история с губернаторской дочкой? Разве не она подвела его окончательно? Разве не на ней он срезался и выпустил из рук, может быть, уже готовое порхнуть ему в руки счастье? Не пренебреги Чичиков вниманием городских дам, обделай он свой интерес к губернаторской дочке тонко, тайно, не публично — всё было бы прекрасно, и, глядишь, сосватали бы его те же дамы и под венец отвели, да ещё говорили бы: «Какой молодец!» А он рассиропился, он на балу свои чувства выказал — и тут же был наказан. Не ополчилось на него губернский женский мир, сплетни Ноздрёва и рассказы Коробочки ничего бы не сделали. Те же самые дамы снесли бы их в мусорный ящик. Но пламя разгорелось из-за них»⁷.

Вообще в характере Чичикова далеко не всё контролируется и измеряется приобретательским духом. Вот он перебеливает в номере гостиницы списки умерших крестьян, вчитывается зачем-то в заметки Собакевича, представляет в своём воображении каждого мужика поимённо, и «какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладело им. Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный характер, и через то как будто бы самые мужики получали свой собственный характер. <...> Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как будто мужики ещё вчера были живы. Смотри *долго* на имена их, он *умилился духом* и, вздохнув, произнёс: «Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, *сердечные мои*, поделывали на веку своём? как перебивались?» [141. — Курсив мой. — Ю.Л.] И в воображении этого «дельца», превратившегося в русского поэта, разгулялась-разлилась на всю Русь целая поэма об умном, дельном и вольном народе. Конечно, эту эпическую поэму о красоте и величии богатырского народного труда вместе с Чичиковым поёт и сам Гоголь. Но неспроста же автор считает возможным связать с именем Чичикова замечательные строки, в которых душа его, освободившаяся от мёртвых пут «земности», от «мелочей», околдовавших стяжателей и существователей, вырвалась на широкий волжский простор.

«Никто не оспорит, что перед нами фрагмент подлинно поэтического мира; но в чьей душе эта сцена развёртывается?» — задаёт вопрос В.В.Кожин. И так отвечает на него: «В душе Чичикова! Да, Чичикова, который в этот момент, согласно «пояснению» Гоголя, «задумался, так, сам собою, как задумывается всякий русский, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслит об разгуле широкой жизни».

«Разгул широкой жизни...» Тем, кто находится под гипнозом полтора года лет внушаемой догмы о Гоголе — «отрицателе» и «разоблачителе», это, конечно, покажется спорным; и тем не менее всё — буквально всё, что явлено в гоголевской поэме, есть именно «разгул широкой жизни»...» «Видно, так уж бывает на свете, — замечает Гоголь, — видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов...»⁸.

Есть ведь и во всех «предприятиях» Чичикова некий «перехлест», выход за нормы «добропорядочности» и прозаичности рядового буржуазного стяжательства. Не от русского ли задора в нём идёт его нетерпение, неуёмное желание рискнуть, но уж взять разом весь капитал? Не русская ли, не разбойничья ли это в Чичикове повадка? И когда сбитый с толку его аферами городской обыватель сравнивает Чичикова с капитаном Копейкиным, доведённым равнодушием властей до атамана разбойничьей шайки, в этом сравнении, при всей фантастичности его, есть некий, пусть слабо мерцающий, позитивный смысл.

Крах авантюры Чичикова с «мёртвыми душами», назревающий в финале поэмы, — это событие большого масштаба и исторической значимости, это свидетельство отторжения русской жизнью того пути, буржуазный дух которого наиболее последовательно воплощает Чичиков. Духом «чичиковщины», как мы убедились, заражены в поэме все помещики, с которыми он общался и в которых без труда распознавал свои собственные черты. «Чичиковщиной» болен и губернский город, в котором находящиеся у власти управители совсем не озабочены государственными проблемами. Каждый блюдёт здесь свой собственный интерес и рассматривает свою должность как кормушку, как средство личного обогащения. Во втором томе «Мёртвых душ» генерал-губернатор, почувствовав бесплодность борьбы со взяточничеством административными мерами, собирает всех чиновников губернского города и произносит перед ними такую речь: «Дело в том, что пришло нам спасти нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже мимо законного управления образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия, всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников пристав-

лением в надзиратели других чиновников. Всё будет безуспешно, куда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстания народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды!» [528]. Речь военного губернатора, обращенная к подчинённым, здесь напоминает речь Тараса Бульбы о «товариществе». Но если запорожский герой Гоголя призывал народ к сплочению и духовному единству перед лицом внешнего врага, то герой второго тома «Мёртвых душ» зовёт к всеобщей мобилизации и ополчению против врага внутреннего. «Нигилист» Собакевич недалёк от истины, что в этом городе, олицетворяющем всю административную Россию, мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет.

И тем не менее «фантастика» чичиковского предприятия вызывает среди губернских обывателей реакцию отторжения. Напряжение растёт, достигает кульминации и получает грозную разрядку в смерти прокурора. Есть в этом апокалипсическом финале намёк на возмездие за «кривые дороги», которыми колесила по кругу бричка Чичикова. Круги ада описаны и пройдены. Не случайно в пути своём герой вернулся к тому, с чего всё началось, чтобы отсюда, как бы с начала своей юности, выйти на новую, прямую дорогу, ибо в финале поэмы русская жизнь отворачивает пройденный им жизненный цикл.

Финал поэмы мыслится Гоголем как выход из «ада». И выход этот сопровождается, конечно, не трагический, а исполненный веры и надежды мотив: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несёшься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух: летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [259—260. — Курсив мой. — Ю.Л.].

Пора оставить всякие домыслы относительно того, кто сидит в этой тройке, и сомнения — уж не Чичиков ли правит ею? В финале первого тома Гоголь предвосхищает свершившееся Божье чудо. Мчится тройка-мечта, обновлённая Россия, «вся вдохновенная Богом», вышедшая на праведные, прямые пути. Русь-тройка — поэтически воплощённая вера в высокое всемирно-историческое предназначение России как православной страны. Вслед за почитаемым им Гердером в Германии и славянофилами в своём отечестве Гоголь,

поэт и историк, не сомневается в этом предназначении, если Россия вернётся к самой себе, к своим древним святыням и истокам.

Гоголь верит, что душа русского христианина, пройдя через страшные искушения и соблазны, вернётся на путь православной истины. В глубине падения своего, на самом дне пропасти, ощутит христианин загорающийся в его душе праведный свет, голос совести. Один из героев незаконченного второго тома, обращаясь к Чичикову, говорит: «Ей-ей, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди и режут друг друга, точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помывшись о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, бросаю всё то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступает времена голода и бедности, как во всём народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно... Что ни говорите, ведь от души зависит тело... Подумайте не о мёртвых душах, а о своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу!» [524. — Курсив мой. — Ю.Л.]

Но работа над вторым томом «Мёртвых душ» пошла у Гоголя медленно и трудно. Смущало чувство ответственности, давило бремя высоких обязательств, которые он взял на себя перед читателями. Неудача со вторым томом говорила, скорее всего, о неподъёмности тех задач, которые Гоголь в нём поставил. Ведь ему хотелось, чтобы его книга повернула на путь духовного возрождения всю Россию. Для этого ему нужно было «найти всемогущее Слово» — равное тому, какое «было у Бога и было Бог». Нет сомнения, что Гоголь тут переоценивал писательские силы и человеческие возможности даже своей исключительной одарённости, своей писательской гениальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГОГОЛЬ Н.В. Собр. соч.: В 6 т. — М. — Т. 5. 1959. — С. 7. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

² См.: МАНН Ю. Поэтика Гоголя. — М., 1978. — С. 274—278.

³ ЗОЛОТУССКИЙ И. Гоголь. — М., 1979. — С. 236—237.

⁴ КОЖИНОВ В.В. Разгул широкой жизни. «Мёртвые души» Н.В.Гоголя // Кожин В.В. Победы и беды России / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://readr.ru/vadim-koghinov-pobedi-i-bedi-rossii.html>

⁵ ЗОЛОТУССКИЙ И. — Гоголь. — С. 237.

⁶ Там же. — С. 238.

⁷ Там же. — С. 239.

⁸ КОЖИНОВ В.В. Разгул широкой жизни. «Мёртвые души» Н.В.Гоголя // Кожин В.В. Победы и беды России / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://readr.ru/vadim-koghinov-pobedi-i-bedi-rossii.html>